

СОЮЗНИКИ РОССИИ

ФОРМАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ФАКТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО*

ИВАН ФОМИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ИНИОН РАН, Москва, Россия

НИКОЛАЙ СИЛАЕВ

АННА МАКАРЫЧЕВА

СВЕТЛАНА СТОЛЯРОВА

ЭЛЛИНА ШАВЛАЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается вопрос о соотношении формальных (юридически оформленных) военно-политических союзов и фактической военно-политической кооперации во внешней политике России. На основании ряда параметров военно-политического сотрудничества России с её партнёрами проведено количественное исследование, позволившее оценить, в какой степени наличие у России официальных союзнических обязательств с той или иной страной связано с уровнем интенсивности и устойчивости фактического сотрудничества между двумя странами. Для оценки уровней фактической военно-политической кооперации между Россией и её партнёрами использованы четыре показателя: долевого объёма российских вооружений в общем объёме вооружений, поставляемых в страну, количество совместных с Россией военных учений, наличие на территории страны российской военной базы и уровень совпадения позиции страны с позицией России при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН. Проведённый анализ показал, что во внешней политике России не прослеживается значимой линейной связи между провозглашённым союзничеством и фактическим военным сотрудничеством и что наличие формального, то есть зафиксированного в договоре, союза статистически значимо коррелирует только с одним показателем сотрудничества между странами – с уровнем совпадения позиций при голосованиях в Генеральной Ассамблее ООН. Полученные результаты позволили сформулировать гипотезу о том, что в российской внешней политике формальные союзы играют роль механизма, обеспечивающего выполнение партнёрами России своих обязательств в рамках сделок по обмену российских военных ресурсов на ресурсы международной политической поддержки. Кроме того, на основании собранных данных составлена четырёхчастная типология партнёров России, предполагающая их деление на четыре типа в зависимости от уровня фактической военно-политической кооперации

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20170).

Авторы выражают благодарность Ткачу Дмитрию Николаевичу, магистранту МГИМО МИД России, за помощь в оформлении статьи, а также коллективу Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России за советы и критику, высказанные при работе над этим текстом. С целью репликации полученных результатов авторы представили приложения, размещённые на странице статьи на сайте журнала «Международные процессы» (<http://intertrends.ru/>).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.04.2019

Дата принятия к публикации: 26.07.2019

Для связи с авторами / *Corresponding authors:*

Email: fomin.i@gmail.com

и наличия или отсутствия юридически закреплённых союзнических обязательств. Показано, что число официальных союзников Москвы, которые в реальности почти не сотрудничают с ней в военно-политической сфере, оказалось в полтора раза больше числа государств, для которых договорные обязательства сопряжены с действительной кооперацией.

Ключевые слова:

союзы; союзники России; Россия; внешняя политика России; военно-политическое сотрудничество; международное сотрудничество; неформальные союзники.

Зафиксированные юридически союзнические обязательства между государствами не всегда влекут за собой фактическое военно-политическое сотрудничество. Верно и обратное: тесное практическое взаимодействие не всегда сопровождается созданием юридически оформленного союза. В соответствии с одним из наиболее авторитетных определений, которое было предложено Стивеном Уолтом, к военно-политическим союзам следует относить весь комплекс как формальных, так и неформальных кооперативных межгосударственных отношений, ориентированных на обеспечение безопасности (a formal or informal relationship of security cooperation) [Walt 1987: 1]. В этом смысле, например, и отношения США с их ключевыми партнёрами по НАТО, и отношения между Соединёнными Штатами и Израилем можно было бы назвать союзническими.

В современных исследованиях, между тем, зачастую используется другое определение, предполагающее включение в круг союзников только стран, связанных юридически оформленными обязательствами. Это обусловлено тем обстоятельством, что многие работы в этой области опираются на эмпирический массив базы данных АТОР (Alliance Treaty Obligations and Provisions) [Leeds et al. 2002]. В её основу положено понимание союза как «заключённого между независимыми государствами формального соглашения о военном сотрудничестве перед лицом потенциального и реального военного конфликта» (a formal agreement among independent states to cooperate militarily in the face of potential or realized military conflict)¹ ([Leeds, Mattes 2007: 185]).

В итоге исследователи оказываются перед дилеммой: либо оставаться в рамках формально-юридического понимания союза, упуская из виду весь пласт неформальных отношений, либо, сосредоточиваясь на реальных практиках, отказываясь от возможностей широкого обобщения, которую предоставляет АТОР вместе с комплексностью, полнотой и детальностью содержащихся в ней сведений. В результате изучение союзов обречено быть сведённым к анализу отдельных случаев или к исследованию союзничества исключительно на материале случаев исполнения обязательств в ходе вооружённых конфликтов.

В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку выйти за пределы этой дилеммы, изучив применительно к отношениям России с её партнёрами соотношение и динамику юридически оформленных союзнических обязательств и фактической военно-политической кооперации с опорой на количественные данные, описывающие большой массив кейсов. Отталкиваясь от представленного выше определения Ст. Уолта, мы рассматриваем формальное союзничество и фактическую кооперацию в качестве двух различных проявлений союзнических отношений между государствами. Взяв их в качестве осей, мы можем составить двухмерную типологию союзнических отношений (табл. 1). Проведение количественных эмпирических исследований с опорой на такую типологию, однако, остаётся достаточно затруднительным. Если для разграничения по критерию наличия формальных обязательств мы можем использовать уже упомянутую базу АТОР или «Корреляты войны» [Gibler 2009; Singer,

¹ При работе с базой АТОР из анализа оказываются исключены не только неформальные союзнические отношения, но и секретные обязательства. Подробнее см.: [Истомин 2018: 106].

Таблица 1
Типология кооперативных отношений в военно-политической сфере

Наличие формальных союзнических обязательств	Высокий уровень фактического сотрудничества	Низкий уровень фактического сотрудничества
Присутствуют	Формальное союзничество и фактическая кооперация Подлинный союз	Формальное союзничество без фактической кооперации Номинальный союз
Отсутствуют	Фактическая кооперация без формального союзничества Неформальный союз	---

Источник: составлено авторами³.

Small 1966; Small, Singer 1969], то фактическое военно-политическое сотрудничество операционализировать сложнее. В настоящем исследовании эта задача решается на примере одной страны – России, с подбором индикаторов, позволяющих измерить уровень фактической кооперации между ней и её партнёрами.

Ещё одно затруднение, с которым связано использование предложенной матрицы, имеет терминологический характер. В то время как в англоязычной литературе о международных отношениях существует вполне устоявшаяся практика использования слова *formal* в смысле «официально оформленный» (именно так это слово употребляется в приведённых выше определениях Ст. Уолта и Б. Лидса), в русскоязычном тексте использование в том же смысле слова «формальный» связано с некоторыми сложностями. Дело в том, что иногда, говоря о формальных союзах, исследователи, пишущие на русском языке, имеют в виду не вообще любые официально оформленные (*formal*) союзы, а только те из них, которые являются исключительно *номинальными* и существуют только на бумаге². Нам такое употребление в научном дискурсе слова *формальный* не кажется удачным, поскольку создаёт разрыв между терминологическим аппаратом науки о международных отношениях и лексиконом других наук об обществе (социологии, политологии,

экономики и др.), в русскоязычном тезаурусе которых вполне устоялось противопоставление *формальных* и *неформальных* институтов, частным случаем которых как раз и являются формальные и неформальные союзы. Ориентируясь на эту традицию, в настоящей статье мы всюду используем слово «формальный» в одном-единственном значении – в отношении любых официально продекларированных юридически оформленных обязательств, вне зависимости от того, подкреплены ли они фактическим сотрудничеством или существуют только на бумаге.

Вообще изучение союзов, как формальных, так и неформальных, – одно из наиболее активно развивающихся направлений в современных международных исследованиях. Его основу заложили работы К. Бута, Э. Феддера, Дж. Лиска и Г. Снайдера [Booth 1991; Fedder 1968; Liska 1962; Snyder 2007], а также уже упомянутых Ст. Уолта и Б.А. Лидса [Walt 1989; Walt 1997; Leeds et al. 2002]. На основе количественного анализа М. Крешенци, Дж. Катман, К. Клайнберг и Р. Вуд [Crescenzi M. et al. 2012] рассматривали влияние на союзнические отношения таких факторов, как наличие общей угрозы, тип политического режима и культурная общность между странами. Кроме того, М. Джексон и С. Ней продемонстрировали, что торговые отношения между странами делают сеть официальных союзов более

² В английском дискурсе о международных отношениях существует также различие терминов *alliance* и *alignment* (подробнее см.: [Wilkins 2012]), которое на русском языке трудно передать столь же ёмко и контрастно.

³ Данная типология сходна с типологией Стефани Канг, в которой в качестве осей используются «формальные» и «материальные» обязательства [Kang 2019].

устойчивой [Jackson, Nei 2015]. Б.А. Лидс и Б. Бенсон [Leeds 2003b; Venson 2011] в свою очередь показали, какие именно типы официально оформленных союзнических обязательств обеспечивают сдерживание и снижают вероятность возникновения вооружённых конфликтов.

Особое внимание исследователи, изучающие международные альянсы, уделяют проблеме соблюдения и несоблюдения юридически закреплённых и принимаемых на себя государствами союзнических обязательств. В частности, Б.А. Лидс говорит о том, что союзнические обязательства выполняются только в 75% случаев и называет основными причинами невыполнения соглашений изменения политического курса или смену власти в государстве [Leeds 2003a]. Кроме того, обсуждаются закономерности между выполнением государствами союзнических обязательств и их режимными характеристиками. К.Т. Гаубац, например, приходит к выводу о том, что союзы между демократическими государствами носят более устойчивый характер, а демократические ценности и институты способствуют выполнению союзнических обязательств [Gaubatz 1996]⁴.

Многие исследователи рассматривают, каким образом выполнение обязательств зависит от специфики положений, фиксируемых в союзническом договоре, а также типа заключаемого союза. Дж.В. Даунс, Д.М. Роки, П.Р. Барсум отмечают, что высокая вероятность исполнения соглашений во многом результат того, что государства изначально заносят в текст только те положения, которые смогут реально выполнить [Downs, Locke, Varsoom 1996]. Д.М. Гиблер и Дж.А. Васкес, изучая союзнические обязательства с точки зрения типов союзов, говорят о том, что соглашения, включающие в себя урегулирование территориальных споров, являются наиболее долгосрочными, а стороны, их заключив-

шие, с наибольшей вероятностью будут выполнять свои обязательства [Gibler, Vasquez 1998]. Примечательна также статья Д.С. Беннетта, который выделяет, по крайней мере, четыре основных вида длительности союзов, а также изучает возможные факторы, оказывающие влияние на устойчивость союза и на выполнение обязательств каждой из сторон [Bennett 1997].

Помимо проблемы соблюдения и несоблюдения обязательств, реальная деятельность формальных альянсов может анализироваться и с точки зрения различных форм военно-политической кооперации между союзниками, не всегда связанных с ситуациями военных кризисов, когда от союзников требовалось бы выполнение прямых союзнических обязательств. Именно на таких проявлениях военно-политического сотрудничества сфокусировано представленное в настоящей статье исследование. Попытки решения похожих задач ранее уже предпринимались, однако осуществлялись они применительно к системе союзов США [Kang 2019].

С фокусом же на российскую проблематику такие вопросы в оптике количественных исследований практически не рассматривались. Не в последнюю очередь это связано с тем обстоятельством, что для изучения американской системы союзов, в отличие от российской, доступен гораздо больший корпус систематизированных количественных данных. Тем не менее отношения России с её ключевыми военно-политическими партнёрами активно исследовались в рамках богатой отечественной традиции интерпретативных исследований.

Так, Ю.А. Никитина и И.А. Сафранчук изучали региональные стратегии и взаимодействие Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [Никитина 2009], вклад ОДКБ в борьбу с терроризмом и наркотрафиком⁵, проблемы

⁴ Э. Гарцке и К.С. Гледич приводят ряд аргументов против этой теории [Gartzke, Gleditsch 2004].

⁵ Никитина Ю. ОДКБ — 2017: сколько лет именинице и с чем её поздравлять? РСМД. 18.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-2017-skolko-let-imeninnitse-i-s-chem-ee-pozdravlyat/>

взаимодействия ОДКБ и НАТО [Никитина, ОДКБ и НАТО 2011; Никитина, ОДКБ и ШОС 2011]. А.И. Никитин исследовал развитие и перспективы ОДКБ [Никитин 2011], её миротворческий потенциал и подходы к конфликтному урегулированию [Никитин 2017]. В прошлом проводились также исследования по военному сотрудничеству стран СНГ [Николайчук 1997]. Хотя в этих работах оценивается эффективность отдельных российских военно-политических союзов, они, в отличие от данного исследования, не рассматривали всего глобального массива международного сотрудничества России, включающего как официально оформленные альянсы, так и фактически складывающиеся отношения военной и политической кооперации.

Отношения России с её союзниками изучаются также в контексте проблематики отдельных регионов. Например, А.А. Казанцев проанализировал перспективы развития ситуации в Центральной Азии после вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана в 2014 году [Казанцев 2013]. Д.В. Кочегарова и А.В. Новиков анализируют значение ОДКБ и ЕАЭС в конфликте политических интересов России и США в постсоветской Центральной Азии [Кочегарова, Новиков 2017]. К тематике отношений России с её союзниками и партнёрами по ОДКБ и ШОС в связи с афганской проблемой также обращается Д.Б. Малышева [Малышева 2017]. А.А. Куртов рассматривает ОДКБ в контексте соперничества России и Запада на постсоветском пространстве [Куртов 2008]. Анализ системы российских союзов также выступает составным элементом исследований по более широкой тематике, например, связанных с глобальной безопасностью и мировым порядком [Лукин 2015]. Данный обзор неизбежно будет редуцирован. В частности, здесь не рассматривается огромный массив текстов, посвящённых сотрудничеству России с отдельными странами и регионами мира. Задача данной работы состоит в том, чтобы представить подобное взаимодействие в агрегированном виде, оценив значение формальных

его механизмов для фактической военно-политической кооперации.

Отправной точкой для формулирования исследовательского замысла настоящей статьи стало высказываемое некоторыми экспертами предположение о том, что в современном мире военно-политическое значение формальных союзнических обязательств постепенно сокращается и на первый план выходят неформальные альянсы [Силаев, Сушенцов 2017]. Уместно вспомнить, что, начиная военную операцию в Ираке в 2003 году, Соединённые Штаты не получили поддержки со стороны ряда своих формальных союзников, а американская коалиция для борьбы против «Исламского государства» была сформирована *ad hoc* в добавление к системе формальных военных альянсов США [Истомин, Байков 2019: 34–48]. Другой яркий пример из американской практики – неформальные союзы между США и Израилем, а также между США и Тайванем.

Отношения России с рядом стран также иногда характеризуются, с одной стороны, высоким уровнем сотрудничества в военно-политической сфере – вплоть до совместных боевых операций, а с другой – сравнительно неразработанной международно-правовой базой для такого сотрудничества, а именно отсутствием формального оборонительного союза. В литературе в этой связи обсуждаются российско-китайские отношения, находящиеся «на грани союза» [Korolev 2018]. Схожим образом – как потенциальный альянс – иногда оценивается взаимодействие России с Ираном на Ближнем Востоке [Therme 2018]. Тесное военно-политическое сотрудничество России с Сирией, включающее в себя военную помощь и размещение военно-морской и военно-воздушной российских баз на сирийской территории, не оформлено в качестве оборонительного альянса. Всё это делает актуальным вопрос о том, связано ли наличие или отсутствие у государства официально оформленных союзнических отношений с Россией с фактическим уровнем их кооперации и с устойчивостью этих кооперативных связей к шокам, связан-

ным с изменениями глобальной международной ситуации. Именно этот вопрос является центральным для нашего исследования. Мы попытаемся определить, какие государства сегодня наиболее активно сотрудничают с Россией в военно-политической сфере и оценить, в какой мере эти отношения связаны с формально закреплёнными союзническими обязательствами.

1

Исследование соотношения формально-союзничества и фактического сотрудничества мы начнём с «инвентаризации» официально закреплённых союзнических обязательств России. Согласно данным АТОР⁶, на современном этапе к её союзникам в общей сложности можно отнести 34 государства. Из них 7 связаны с Россией обязательствами в рамках оборонительных союзов и 27 — обязательствами о нейтралитете или о консультациях в случае военных конфликтов⁷. Мы не включаем в этот список государства, связанные с Россией только пактами о ненападении, хотя, например, в базе «Коррелятов войны» такие соглашения и квалифицируются как союзнические. Данный подход расходится с определением формального союза, принятым в АТОР [Leeds, Mattes 2007: 185], и представляется особенно малопродуктивным, когда речь идёт об изучении современных альянсов. Сегодня многие правовые документы с широким международным участием (например, Хельсинкский заключительный акт) содержат обязательство не применять силу и, соответственно, должны квалифицироваться как пакты о ненападении. Тем не менее, если придерживаться такой логики,

то применительно к России нам следовало бы считать все страны—участницы ОБСЕ её союзниками. Преимущество такого подхода заключается в том, что он позволяет увеличить количество наблюдений в базе данных, что тем не менее ведёт к сильному сужению содержания понятия союза.

Основной костяк обязательств России по коллективной обороне приходится на государства—члены ОДКБ (Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). Ими, однако, эта группа стран не ограничивается: в неё входят также Азербайджан и Узбекистан, связанные с Россией договорными обязательствами обеспечения коллективной безопасности в рамках статьи 6 Соглашения о создании СНГ (1991) и раздела III Устава этой организации (1993). Помимо этого, шесть из семи стран, входящих в эту группу, — за исключением Азербайджана — связывает с Россией ряд двусторонних соглашений, предполагающих союзнические обязательства в области обороны. Полный перечень союзнических договоров, в которых участвует Россия, представлен в табл. 2.

Для целей данного исследования с опорой на данные АТОР были выработаны оценки уровня формальных союзнических обязательств между Россией и всеми другими странами мира. При этом выделены три уровня формального союзничества, которым присвоены оценки от 0 до 2:

2 — оборонительные союзы⁸;

1 — отсутствие оборонительного союза, но наличие обязательства о нейтралитете или о консультациях в случае кризиса⁹;

0 — полное отсутствие формальных союзнических отношений с Россией¹⁰.

⁶ База данных АТОР была выбрана для исследования, поскольку в ней применяется более детальная кодировка для каждого союза и временной охват её последней версии (до 2016 г.) лучше соответствует хронологическим рамкам исследования.

⁷ В базе АТОР также в виде отдельного варианта обязательств кодируются наступательные союзы (offense pacts), однако на современном этапе Россия ни в одном таком пакте не участвует.

⁸ К уровню союзничества 2 были отнесены все государства, связанные с Россией, согласно базе АТОР, союзническими отношениями типа DEFENSE.

⁹ К уровню союзничества 1 были отнесены все государства, связанные с Россией, согласно базе АТОР, союзническими отношениями типа NEUTRAL или CONSULTATION, но не DEFENSE.

¹⁰ К уровню союзничества 0 были отнесены все государства, которые, согласно базе АТОР, не связаны с Россией никакими союзническими отношениями или связаны с ней только союзническими отношениями типа NONAGGRESSION.

Для каждой из 192 стран, по которым в базе АТОР присутствуют данные, на основе такой шкалы была сформирована оценка

уровня формального союзничества для последующего соотнесения с уровнем фактического сотрудничества между странами.

Таблица 2
Действующие союзнические договоры с участием России

Год подписания	Название соглашения	Союзники	Обязательства			ID союза в базе АТОР
			Оборона	Нейтралитет	Консультации	
1976	Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Народной Республикой Ангола	Ангола	Нет	Нет	Есть	3765
1977	Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Народной Республикой Мозамбик	Мозамбик	Нет	Нет	Есть	3775
1978	Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Социалистической Эфиопией	Эфиопия	Нет	Нет	Есть	3835
1980	Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой	Сирия	Нет	Нет	Есть	3880
1981	Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Народной Республикой Конго	Конго	Нет	Нет	Есть	3890
1990	Договор о добрососедстве, партнёрстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ	Германия	Нет	Есть	Есть	4010
1992	Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений	Финляндия	Нет	Есть	Есть	4145
1992	Договор между Россией и Францией	Франция	Нет	Нет	Есть	4170
1992	Договор о коллективной безопасности	Беларусь, Армения, Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан	Есть	Нет	Есть	4220
1992	Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве	Польша	Нет	Есть	Есть	4230
1992	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан	Казахстан	Есть	Нет	Есть	4235
1992	Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики	Турция	Нет	Есть	Есть	4240
1992	Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан	Узбекистан	Есть	Нет	Есть	4245
1992	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан	Кыргызстан	Есть	Есть	Есть	4255
1992	Договор о согласии и сотрудничестве между Российской Федерацией и Канадой	Канада	Нет	Есть	Нет	4270
1992	Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Болгария	Болгария	Нет	Есть	Есть	4305

Таблица 2. Продолжение

Год подписания	Название соглашения	Союзники	Обязательства			ID союза в базе АТОР
			Оборона	Нейтралитет	Консультации	
1993	Устав Содружества Независимых Государств	Беларусь, Армения, Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан	Есть	Нет	Есть	4400
1993	Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индия	Индия	Нет	Нет	Есть	4415
1993	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан	Таджикистан	Есть	Есть	Есть	4470
1993	Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Греческой Республикой	Греция	Нет	Есть	Есть	4485
1993	Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой	Чехия	Нет	Нет	Есть	4500
1993	Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой	Словакия	Нет	Нет	Есть	4505
1994	Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в военной области	Узбекистан	Нет	Нет	Есть	4560
1994	Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Колумбия	Колумбия	Нет	Нет	Есть	4568
1994	Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Королевством Испания	Испания	Нет	Нет	Есть	4570
1994	Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам	Вьетнам	Нет	Нет	Есть	4605
1994	Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой	Италия	Нет	Нет	Есть	4635
1995	Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь	Беларусь	Нет	Нет	Есть	4675
1996	Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы	Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Китай, Индия, Пакистан	Нет	Нет	Есть	4810
1997	Договор о Союзе Беларуси и России	Беларусь	Есть	Нет	Есть	4865

Таблица 2. Окончание

Год подписания	Название соглашения	Союзники	Обязательства			ID союза в базе АТОР
			Оборона	Нейтралитет	Консультации	
1997	Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной	Украина ¹¹	Нет	Нет	Есть	4875
1997	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой	Азербайджан	Нет	Нет	Есть	4885
1997	Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения	Армения	Есть	Нет	Есть	4890
2000	Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой	КНДР	Нет	Нет	Есть	4940
2001	Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран	Иран	Нет	Есть	Есть	4968
2001	Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой	КНР	Нет	Нет	Есть	4980
2002	Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном	Туркменистан	Нет	Нет	Есть	5000
2003	Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Румынией	Румыния	Нет	Нет	Есть	5035
2005	Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан	Узбекистан	Есть	Нет	Есть	5075
2007	Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств—членов ШОС	Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, КНР	Нет	Нет	Есть	6020

Источник: составлено на основе данных АТОР, 2016 г.

2

В отличие от формальных союзнических обязательств уровни фактической кооперации между странами зафиксировать сложнее. В существующих на сегодня базах данных не удалось найти показателей, которые могли бы использоваться в качестве валидных индикаторов сотрудничества между странами. Для решения данной про-

блемы была подобрана комбинация из четырёх переменных, которые позволяли бы операционализировать различные аспекты фактического взаимодействия между странами (прил. 2).

Первой стал *долевой объём российских вооружений в объёме вооружений, поставляемых в страну (%)*. Его включение в число исследуемых показателей было во многом

¹¹ Соглашение прекратило действие 1 апреля 2019 года, однако на момент публикации последней версии базы данных АТОР оставалось в силе.

обусловлено тем фактом, что ряд исследователей обращают внимание именно на поставки оружия как на ключевое измерение кооперации между Москвой и её партнёрами [Donaldson, Donaldson 2003; Tarock 1997]. Кроме того, в соответствии с концепцией Кита Краузе поставки оружия представляют собой важный аспект международного влияния, обеспечивающий переговорную, структурную и гегемонистскую мощь государств [Krause 1991]. В литературе также обсуждается вопрос о взаимозаменяемости формальных союзнических обязательств и иных способов предоставления гарантий безопасности, например в виде поставок оружия [Yarhi-Milo, Lanszka, Cooper 2016]. В нашем исследовании эта переменная рассчитывалась на основе базы данных Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI)¹². Был сделан выбор именно в пользу долевого показателя, а не абсолютных, поскольку мы исходили из того, что данная переменная должна отражать не столько обеспечиваемый Россией прирост абсолютного военного потенциала союзников, сколько значимость данного измерения партнёрских отношений с Москвой для той или иной страны.

Показатели торговли оружием не были, однако, единственным индикатором, который использовался для оценки уровня военного сотрудничества. Дополнительно были специально составлены две базы данных с информацией о ещё двух показателях военной кооперации — о *количестве совместных военных учений* (прил. 1) и о *наличии на территории страны российской военной базы*. При выборе индикаторов учитывался опыт проводившихся ранее исследований фактического военного сотрудничества между странами. Таких, например, как работы Дж. Херца [Herz

1965: 124] о природе современных союзов, Б. Рассета [Russett 1971: 262–289] о типологии военных блоков, А. Ачарии о военном сотрудничестве в АСЕАН [Acharya 2009; Acharya 1990] и экспертных материалов о союзниках России [Силаев, Сушенцов 2017].

Помимо показателей военной кооперации между странами, мы также включили в анализ индикатор, который позволял бы судить об уровне международной политической поддержки, которую Россия получает от своих партнёров. Для этой цели нами был использован показатель уровня совпадения позиции других стран мира с позицией России при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН [Voeten 2013]¹³. Он рассчитывается для каждой страны по формуле

$$S_{ab} = 1 - \frac{\sum |Y_{av} - Y_{bv}|}{V},$$

где v — номера голосований от 1 до V , a и b — страны (в нашем случае страна a — это всегда Россия), S_{ab} — уровень совпадения между странами a и b , при том что голос «за» соответствует $Y = 1$, «против» — $Y = 3$, «воздержалась» — $Y = 2$. Случаи неучастия в голосовании из расчётов исключаются. Таким образом, если страны полностью совпадают по всем голосованиям, то S для такой пары стран равен 1, если страны полностью расходятся, то он равен (-1) [Bailey, Strezhnev, Voeten 2017: 433].

Совпадение позиций в Генеральной Ассамблее ООН рассматривается нами как относительно надёжный индикатор поддержки политики России на международной арене со стороны её партнеров. Анализ данных по голосованиям в ГА ООН позволяет оценить, в какой степени поддерживает Москву почти каждая из стран мира¹⁴. Кроме того, этот индикатор даёт возмож-

¹² Importer/Exporter TIV Tables. SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute). URL: <http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php>

¹³ Voeten E., Strezhnev A., Bailey M. United Nations General Assembly Voting Data. Harvard Dataverse, V20, 2009. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/LEJUQZ>

¹⁴ Ранее продуктивность использования данных о голосованиях в ГА ООН для изучения положения России на международной арене была продемонстрирована, например, в работах: [Дегтерёв 2013; Истомин 2018; Дегтерёв, Василиук, Баум 2018].

ность проследить степень близости между странами сразу по значительному кругу вопросов. Как отмечает И.А. Истомин, именно «сочетание представительности и широты тематического охвата» позволяет использовать результаты голосований в ГА ООН в качестве «полезного индикатора уровня корреляции политики отдельного государства позициям других участников международного сообщества» [Истомин 2018: 10]. К недостаткам данного показателя стоит отнести тот факт, что он не позволяет учитывать неравную степень важности отдельных резолюций и целых тем, обсуждаемых ГА ООН, для разных государств [Истомин 2018: 10]. В рамках используемой методики подсчёта уровней совпадения позиций все случаи совпадения и несовпадения при голосовании имели одинаковый вес.

Мы сознательно исключили из анализа показатель совместного участия в военных операциях, хотя оно и представляет собой наиболее полное выражение союзнических отношений. В изучаемый нами период (и шире – за всю постсоветскую историю) Россия не применяла военную силу против другого государства совместно со своими союзниками, а применение силы в гражданских войнах на территории другого государства (как в Сирии) имеет целый ряд характеристик, не позволяющих отождествить его с «классической» союзнической помощью. В частности, оно может не опираться в соглашениях об оборонительном союзе (союзные обязательства стран ОДКБ не требуют от них содействия России в Сирии), не предусматривать обеспечения внешней безопасности партнёра; внешняя помощь сторонам гражданских войн может оказываться неофициально, и само её наличие не всегда может быть достоверно установлено.

Все перечисленные показатели фактического сотрудничества с Россией были вычислены для 192 стран–членов ООН. Для каждой взяты показатели по двум

временным отрезкам продолжительностью по 5 лет: с 2009 по 2013 и с 2014 по 2018 год. По тем показателям, для которых не были доступны данные за все 10 лет, в некоторых случаях использовались более короткие интервалы, укладывающиеся в те же временные рамки пятилеток до 2014 г. и после 2014 года. Использовались данные за период с 2009 по 2013 г. в качестве лаговых переменных для оценки взаимосвязи между различными формами кооперации, а также в качестве контрольных переменных для учёта эффектов автокорреляции.

Кроме того, собрать показатели по двум периодам было необходимо для оценки связи формальных обязательств с устойчивостью к политическим шокам отношений фактической кооперации между союзниками. По оценкам некоторых исследователей [Klein 2019: 28], после событий 2014 г. даже самые близкие союзники России заняли более скептическую и настороженную позицию относительно перспектив дальнейшего сотрудничества с ней. В настоящем исследовании предпринята попытка определить, отличалась ли реакция союзников от реакции стран, не связанных с Россией юридическими обязательствами. Для этого на основе каждого из четырёх показателей кооперации был вычислен индикатор устойчивости к международным политическим и экономическим шокам. Для каждого из них он вычислялся как процент прироста в период 2014–2018 гг. по сравнению с периодом 2009–2013 годов¹⁵. При этом мы исходили из того, что международное давление, оказываемое после 2014 г. на Россию в связи с её позицией по Крыму, Донбассу и Сирии, может рассматриваться в качестве существенной «проверки на прочность» для отношений Москвы с её ближайшими партнёрами.

Для исследования связи между уровнем формальных союзнических обязательств и показателями фактического военно-по-

¹⁵ По формуле $D_A = 100\% \times (A_{\text{после 2014}} / A_{\text{до 2014}}) \times 100\%$, где $A_{\text{после 2014}}$ и $A_{\text{до 2014}}$ – значение показателя в соответствующий период, а D_A – показатель устойчивости данного показателя к шокам.

литического сотрудничества нами был использован метод множественного регрессионного анализа. Для того чтобы избежать смещений из-за пропущенных предикторов, в качестве контрольных переменных в модели нами был включён ряд индикаторов, которые, как мы предполагали, также могут быть взаимосвязаны с уровнем фактической военно-политической кооперации. В качестве таких контрольных переменных были, в частности, использованы показатели экономической кооперации между странами: *доля импорта из России в общем объёме импорта страны (%)*, *доля экспорта в Россию в общем объёме экспорта страны (%)*, *доля прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России от общего объёма ПИИ в страну (%)* и *доля ПИИ в Россию от общего объёма ПИИ страны (%)*¹⁶. Кроме того, в число контрольных переменных был включён ряд показателей географической, исторической и культурной близости между государствами (из базы Гео-Дист (GeoDist) [Mayer, Zignago 2011]): *расстояние от столицы государства-партнёра до Москвы (км)*, *наличие истории колониальных отношений с Россией*, *наличие общего официального языка или общего языка, на котором говорит не менее 9% населения двух стран*.

З

На основе представленного набора индикаторов методом множественного регрессионного анализа было исследовано, может ли уровень формальных союзнических обязательств выступать предиктором *интенсивности* фактической кооперации между Россией и её партнёрами. Результаты анализа (табл. 3) свидетельствуют о том, что формальное союзничество статистически связано лишь с одним из иссле-

дованных показателей кооперации – с политической поддержкой позиции России в ГА ООН ($B = 0.035$, $SE = 0.014$). Кроме того, именно в модели, построенной для объяснения показателя близости позиции в ГА ООН выбранные нами предикторы определяют наиболее высокую долю дисперсии ($R^2 = 0.862$). Что же касается военных измерений сотрудничества, то, хотя построенные для них модели также имели достаточно высокие коэффициенты детерминации, формальные союзнические обязательства по отношению к этим показателям не проявили себя в виде значимого фактора¹⁷. При этом, однако, была выявлена статистическая взаимосвязь различных измерений фактического сотрудничества между собой. Например, кооперация государств через поставки оружия связана со всеми другими проявлениями военного и политического сотрудничества. Это даёт основания предполагать, что в случае России, возможно, именно поставки оружия стоит считать более надёжным индикатором фактического военно-политического сближения, чем формальные обязательства.

Следующий этап анализа был направлен на то, чтобы определить, связана ли *устойчивость* фактических кооперативных связей между ними с уровнем их формальных союзнических обязательств. Как уже отмечалось, для ответа на этот вопрос были вычислены процентные показатели изменений, которые произошли в уровнях военной и политической кооперации России с её партнёрами в периоды 2014–2018 и 2009–2013 годов. Мы предполагали, что в случае, если формальные союзнические обязательства имеют значение для устойчивости отношений сотрудничества, можно будет проследить статистически значимую обратную связь между уровнем

¹⁶ Из рассмотрения по показателям ПИИ были исключены офшорные центры: Андорра, Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Барбадос, Бахрейн, Белиз, Вануату, Гренада, Доминика, Ирландия, Исландия, Кипр, Коста-Рика, Ливан, Лихтенштейн, Люксембург, Маврикий, Малайзия, Мальта, Маршалловы Острова, Монако, Науру, Нидерланды, Палау, Панама, Самоа, Сейшельские Острова, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сингапур, Швейцария.

¹⁷ Они оказались незначимы даже на уровне $p < 0.10$, который, строго говоря, едва ли стоит считать допустимым уровнем значимости.

Таблица 3
 Модели множественной линейной регрессии для различных измерений уровня военной и политической кооперации России с её партнёрами

Предикторы	Зависимые переменные			
	Поставки оружия	Учения	Базы	Позиция в ГА ООН
Формальное союзничество N = 192	7.513 (5.305)	0.180 (0.167)	0.028 (0.024)	0.035** (0.014)
Поставки оружия (с лагом) N = 192	0.448** (0.081)	0.008** (0.003)	0.001** (0.0004)	0.001** (0.0002)
Учения (с лагом) N = 192	0.226 (1.009)	0.133** (0.032)	0.005 (0.005)	0.001 (0.003)
Базы (с лагом) N = 192	21.086 (21.147)	1.205* (0.667)	0.647** (0.097)	-0.103* (0.057)
Позиция ГА ООН (с лагом) N = 192	15.45 (10.922)	1.408** (0.345)	0.045 (0.050)	0.679** (0.030)
Импорт из России (с лагом) N = 160	0.545 (0.573)	0.012 (0.018)	-0.001 (0.003)	0.00008 (0.002)
Экспорт в Россию (с лагом) N = 154	-0.297 (0.991)	0.080** (0.031)	-0.006 (0.005)	0.003 (0.003)
ПИИ в Россию (с лагом) N = 160	0.003 (0.017)	0.00006 (0.001)	-0.00003 (0.00008)	-0.00004 (0.00005)
ПИИ из России (с лагом) N = 160	-0.228 (0.247)	0.008 (0.008)	0.001 (0.001)	0.001 (0.001)
Расстояние N = 190	-0.00007 (0.001)	0.00003 (0.00002)	0.0000007 (0.000002)	-0.0000004 (0.000001)
Бывшая колония N = 192	-13.281 (18.925)	-0.380 (0.597)	0.037 (0.086)	-0.019 (0.051)
Колония после 1945 г. N = 190	5.370 (21.625)	-1.231* (0.682)	0.010 (0.099)	-0.020 (0.059)
Общий официальный язык N = 192	17.767 (34.632)	-1.451 (1.093)	0.035 (0.158)	0.065 (0.094)
Общий язык N = 192	8.994 (20.655)	2.702** (0.652)	0.187** (0.094)	-0.076 (0.056)
R ²	0.477	0.740	0.753	0.862

Источник: составлено авторами.

Отсутствующие значения исключены попарно.

Указаны нестандартизованные коэффициенты регрессии (В).

В скобках приведена стандартная ошибка (SE).

** – $p < 0.05$, * – $p < 0.10$.

формальных обязательств и снижением фактического сотрудничества с Россией после 2014 года. Посредством множественного регрессионного анализа такая связь была также обнаружена, однако вновь только для показателей поддержки в ГА ООН ($B = 14.368$, $SE = 4.987$) (табл. 4). При этом коэффициенты детерминации в моделях для показателей устойчивости близости позиций в ГА ООН и устойчивости оружейного импорта оказались достаточно низкими¹⁸.

Проведённый анализ позволяет продемонстрировать, что в случае России не обнаруживается статистически значимой связи между наличием формальных союз-

нических обязательств и интенсивностью или устойчивостью фактической военно-политической кооперации. Единственное измерение военно-политического сотрудничества, для которого удалось зафиксировать статистически значимую корреляцию с формальным союзничеством, – это политическая поддержка: формальные союзники России с большей вероятностью поддержат её при голосовании в ГА ООН, чем неформальные. В отношении этого измерения кооперации нам удалось продемонстрировать связь формальных союзнических обязательств как с интенсивностью, так и с устойчивостью отношений сотрудничества.

¹⁸ Для показателя количества российских военных баз измерение устойчивости не рассматривалось по той причине, что единственное изменение, произошедшее в значениях данного показателя после 2014 года, связано с Украиной, для которой значение этого параметра изменилось по причине потери контроля над территорией Севастополя, где располагается база российского ВМФ.

Таблица 4
 Модели множественной линейной регрессии для различных измерений устойчивости военной и политической кооперации России с её партнёрами

Предикторы	Зависимые переменные		
	Поставки оружия: устойчивость	Учения: устойчивость	Позиция в ГА ООН: устойчивость
Формальное союзничество	90.692 (59.562)	5.543 (3.700)	14.368** (4.987)
Поставки оружия (с лагом)	-0.061 (0.906)	0.480** (0.088)	0.134 (0.086)
Учения (с лагом)	-8.764 (17.186)	0.850 (0.675)	-0.012 (1.035)
Базы (с лагом)	455.776 (368.333)	-11.674 (13.713)	3.391 (20.381)
Позиция ГА ООН (с лагом)	-601.740 (469.144)	10.568 (10.585)	-68.651** (15.405)
Импорт из России (с лагом)	-0.204 (6.746)	-0.609 (0.421)	-0.459 (0.554)
Экспорт в Россию (с лагом)	-6.525 (16.977)	1.320 (1.711)	0.130 (0.962)
ПИИ в Россию (с лагом)	0.077 (0.195)	0.007 (0.012)	0.002 (0.018)
ПИИ из России (с лагом)	-14.647 (16.500)	0.036 (0.275)	-0.004 (0.271)
Расстояние	-0.002 (0.008)	0.00005 (0.000464)	0.00038 (0.001)
Бывшая колония	•	-0.393 (8.400)	-11.314 (16.778)
Колония после 1945 г.	-114.543 (200.872)	-7.534 (22.572)	11.557 (20.545)
Общий официальный язык	-973.327 (1097.543)	8.911 (60.393)	9.665 (36.432)
Общий язык	816.616 (740.830)	11.222 (33.680)	-19.031 (19.256)
R^2	0.188	0.818	0.255
N	42	48	129

Источник: составлено авторами.

Отсутствующие значения исключены целиком.

Указаны нестандартизованные коэффициенты регрессии (В).

В скобках приведена стандартная ошибка (SE).

• – Коэффициент толерантности равен 0; предиктор исключён из модели.

** – $p < 0.05$, * – $p < 0.10$.

4

Возвращаясь к типологии, упомянутой в начале статьи (см. табл. 1), уместно задать вопрос, с кем из своих формальных союзников Россия фактически сотрудничает в военной и политической сферах и кого можно было бы отнести к числу её наиболее близких партнёров, несмотря на отсутствие между странами юридически оформленных военно-политических обязательств. Для более объективного ответа на эти вопросы нами был проведён кластерный анализ по методу дальнего соседа, который позволил разбить 192 страны мира на 8 классов¹⁹ на основе стандартизованных оценок по четырём измерениям фактической военно-политической кооперации с Россией: поставок оружия, совмест-

ных учений, размещения военных баз и поддержки в ГА ООН.

Для более наглядной интерпретации результатов на основе тех же четырёх переменных был составлен индекс, позволяющий для каждой страны оценить уровень её

Таблица 5
 Результаты выделения главной компоненты и регрессии на неё

	Компонента 1	
	Нагрузки	Коэффициенты значений компоненты
Поставки оружия	0.821	0.345
Учения	0.881	0.370
Базы	0.851	0.357
Позиция в ГА ООН	0.455	0.191

Источник: составлено авторами.

¹⁹ Другие методы кластеризации дают сходные результаты (см. дендрограммы в прил. 3).

фактической военно-политической кооперации с Россией. Он был разработан с использованием метода регрессии на главные компоненты (табл. 5). Была выделена одна компонента со значением собственного вектора больше 1.

На основе полученных таким образом классификации и индекса²⁰ стало возможным составление рейтинга из семи групп, отличающихся по уровню фактического

военно-политического сотрудничества с Россией (табл. 6, 8).

Первое место в рейтинге заняла Беларусь, оказавшаяся в отдельном кластере по причине огромного отрыва даже от ближайших соседей по списку. Наиболее существенно она опережает другие страны по количеству проводимых совместно с Россией военных учений: их количество почти в два раза превышает число учений, прово-

Таблица 6
Рейтинг стран по индексу фактического военно-политического сотрудничества с Россией (2014–2018).
Страны-лидеры

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
1	Беларусь++	6.78381	95	11	1	0.59	1
2	Таджикистан++	4.80295	100	5	1	0.48	2
3	Кыргызстан++	4.80128	100	5	1	0.47	
4	Армения++	4.63048	100	4	1	0.58	
5	Казахстан++	4.59244	84	5	1	0.48	
6	Сирия+	2.74830	57	0	1	0.54	3
7	Сербия	2.65413	100	5	0	0.40	4
8	КНР+	2.21680	67	4	0	0.63	
9	Индия+	1.98741	59	4	0	0.54	
10	Монголия	1.47408	100	1	0	0.46	5
11	Никарагуа	1.26600	100	0	0	0.54	
12	Иран+	1.21174	96	0	0	0.54	
13	ЮАР	1.02804	89	0	0	0.47	
14	Ангола+	1.01094	83	0	0	0.52	
15	Вьетнам+	0.97208	82	0	0	0.50	
16	Руанда	0.97030	100	0	0	0.32	
17	Непал	0.87277	78	0	0	0.46	
18	Азербайджан++	0.63660	61	0	0	0.45	
19	Алжир	0.60810	58	0	0	0.46	
20	Мали	0.42722	44	0	0	0.46	
21	Конго+	0.42195	47	0	0	0.43	

Источник: составлено авторами

++ – союзники в рамках оборонительных союзов.

+ – союзники в рамках консультативных союзов и/или пактов о нейтралитете.

Кластеры упорядочены по убыванию среднего значения индекса военно-политической кооперации с Россией.

Исключены страны, вошедшие в три кластера (6-й, 7-й и 8-й) с наиболее низкими средними показателями данного индекса. Полный перечень стран представлен в табл. 8.

²⁰ Полученный индекс используется нами не столько как метод анализа, сколько как способ более наглядного рейтингования российских союзников. В качестве полноценного эвристического инструмента данным индексом стоит пользоваться с осторожностью, поскольку достаточно низкую нагрузку в нём имеет показатель близости позиций в ГА ООН.

димых совместно с другими партнёрами по ОДКБ. Показатели доли поставок российского оружия, а также поддержки России в ГА ООН у Беларуси также оказались почти самыми высокими.

За ней *вторым* кластером следуют другие государства, связанные с Россией обязательствами в рамках Организации Договора о коллективной безопасности: Таджикистан, Кыргызстан, Армения и Казахстан. Хотя существует ряд стран, которые по отдельным измерениям кооперации с Россией сопоставимы с участниками этой группы, только для них характерно сочетание высоких значений по всем четырём исследованным показателям. Иными словами, союзничество в рамках ОДКБ оказывается связано не столько с интенсивностью кооперативных отношений, сколько с их комплексностью.

Третий кластер, как и первый, также образован только одной страной, для которой характерен особый формат отношений с Россией, – Сирией. В рейтинге она оказалась в отдельной группе главным образом потому, что выступает местом размещения российских авиа- и военно-морской баз. При этом она остаётся единственным государством, имеющим на своей территории российскую военную базу, но не состоящим при этом с Москвой в оборонительном союзе.

В *четвёртый* кластер вошли два крупных азиатских игрока – КНР и Индия. Как видно из цифр, по показателям различных измерений военной и политической кооперации с Россией они находятся почти на том же уровне, что и страны ОДКБ, с той лишь разницей, что российские военные базы на их территории отсутствуют. Одной из возможных трактовок данного результата может быть различие в политическом смысле кооперативных отношений России с Индией и Китаем и её отношений с союзниками по ОДКБ. Если в одном случае идёт речь, скорее, о донорстве безопасности в рамках асимметричных отношений, то в другом – о возникновении альянса между крупными международными игроками с сопоставимыми потенциалами

мощи. Если сравнивать второй и четвёртый кластеры, можно также обратить внимание на то, что входящие в них страны связывают с Россией обязательства различного характера: оборонительные союзы в случае второго кластера и консультативные пакты в случае четвёртого.

Помимо Индии и Китая, в четвёртый кластер вошла Сербия, для которой также характерны отношения интенсивной военной кооперации с Россией. 100% импортируемых Белградом вооружений поступает из России. Кроме того, страна активно участвует в совместных с Москвой военных учениях – наравне с партнёрами по ОДКБ.

Наконец, *пятый* кластер стран образован государствами, для которых отношения с Россией, по всей видимости, почти полностью описываются формулой: «оружие в обмен на политическую поддержку». Для них характерно сочетание двух относительно высоких показателей кооперации с Россией: поставок оружия и поддержки в ГА ООН. В эту достаточно разнородную группу вошли 12 стран: Монголия, Никарагуа, Иран, ЮАР, Ангола, Вьетнам, Руанда, Непал, Азербайджан, Алжир, Мали и Конго. Вероятно, состав данной группы был ограничен в связи с тем, что в ходе исследования использовались не абсолютные, а долевые показатели импорта российских вооружений. В этой статье мы не ставили задачей изучение эволюции состава различных групп союзников, однако мы можем предположить, что эта группа может в динамике оказаться наименее стабильной, поскольку на вход или выход стран из неё могут заметно влиять конъюнктурные обстоятельства, связанные с поставками отдельных относительно крупных партий российских вооружений, а также небольшие колебания в уровне поддержки позиции России в ГА ООН. В целом политическое значение российского оружейного экспорта нуждается в отдельном исследовании, которое не может быть проведено в рамках замысла настоящей статьи.

Завершая обсуждение отдельных кластеров стран, отметим, что в три последние

группы (шестой, седьмой и восьмой кластеры) попали оставшиеся 172 государства мира – с низкими показателями фактической кооперации с Россией. Их полный список приведён в нижней части табл. 8.

Добавив к рейтингу стран по уровню фактической кооперации различие по принципу наличия или отсутствия формальных союзнических обязательств в отношении России, оказалось возможным

заполнить матрицу, общий замысел которой был представлен в вводном разделе настоящей статьи (см. табл. 1, табл. 7). При этом к странам с высоким уровнем кооперации были отнесены государства из кластеров 1–5, с низкой – из кластеров 6–8.

Как можно увидеть из табл. 7, все страны (за исключением Узбекистана), связанные с Россией обязательствами в рамках оборонительных союзов, действительно

Таблица 7
Партнёры России по уровню формальных обязательств и фактического сотрудничества

	Высокий уровень фактического сотрудничества	Низкий уровень фактического сотрудничества
<i>Есть формальные союзнические обязательства</i>	Формальное союзничество и фактическая кооперация: Беларусь++ (1) Таджикистан++ (2) Кыргызстан++ (2) Армения++ (2) Казахстан++ (2) Сирия+ (3) КНР+ (4) Индия+ (4) Иран+ (5) Ангола (5)+ Вьетнам+ (5) Азербайджан++ (5) Конго+ (5)	Фактическая кооперация без формального союзничества: Пакистан+ (6) Туркменистан+ (6) КНДР+ (6) Узбекистан++ (6) Мозамбик+ (6) Эфиопия+ (6) Колумбия+ (6) Турция+ (6) Греция+ (6) Испания+ (6) Польша+ (6) Словакия+ (6) Румыния+ (6) Италия+ (6) Чехия+ (6) Болгария+ (6) Франция+ (6) Украина+ ²¹ (6) Германия+ (6) Финляндия+ (6) Канада+ (7)
<i>Нет формальных союзнических обязательств</i>	Формальное союзничество без фактической кооперации: Сербия (4) Монголия (5) Никарагуа (5) ЮАР (5) Руанда (5) Непал (5) Алжир (5) Мали (5)	[140 государств] (6, 7, 8)

Источник: составлено авторами.

++ – союзники в рамках оборонительных союзов.

+ – союзники в рамках консультативных союзов и/или пактов о нейтралитете.

Страны перечислены в порядке сокращения уровня фактической военно-политической кооперации с Россией.

В скобках указан номер кластера.

²¹ Как уже отмечалось выше, формальный союзнический договор с Украиной прекратил действие в 2019 г.

относятся к числу её партнёров с высоким уровнем фактической кооперации. Очень велико, однако, число формальных союзников, с которыми Россия в реальности в военной и политической сферах интенсивно не сотрудничает.

Кроме того, обращают на себя внимание восемь случаев, когда страны активно сотрудничают с Россией при отсутствии юридически закреплённых союзнических обязательств. Самый яркий пример такой страны – Сербия, которая сотрудничает с

Москвой в военно-политической сфере почти так же активно, как её партнёры по ОДКБ, КНР и Индия. Высокие уровни фактической кооперации в отсутствие официальных союзнических отношений демонстрируют Монголия, Никарагуа, ЮАР, Руанда, Непал, Алжир и Мали. Эти страны, в отсутствие формальных договорённостей с Россией, обнаруживают уровни фактической кооперации, сопоставимые с военно-политическими союзниками России из левого верхнего квадранта.

Таблица 8
Рейтинг стран по индексу фактического военно-политического сотрудничества с Россией (2014–2018)

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
1	Беларусь	6.78381	95	11	1	0.59	1
2	Таджикистан	4.80295	100	5	1	0.48	2
3	Кыргызстан	4.80128	100	5	1	0.47	2
4	Армения	4.63048	100	4	1	0.58	2
5	Казахстан	4.59244	84	5	1	0.48	2
6	Сирия	2.74830	57	0	1	0.54	3
7	Сербия	2.65413	100	5	0	0.40	4
8	КНР	2.21680	67	4	0	0.63	4
9	Индия	1.98741	59	4	0	0.54	4
10	Монголия	1.47408	100	1	0	0.46	5
11	Никарагуа	1.26600	100	0	0	0.54	5
12	Иран	1.21174	96	0	0	0.54	5
13	ЮАР	1.02804	89	0	0	0.47	5
14	Ангола	1.01094	83	0	0	0.52	5
15	Вьетнам	0.97208	82	0	0	0.50	5
16	Руанда	0.97030	100	0	0	0.32	5
17	Непал	0.87277	78	0	0	0.46	5
18	Египет	0.79309	23	2	0	0.47	6
19	Азербайджан	0.63660	61	0	0	0.45	5
20	Алжир	0.60810	58	0	0	0.46	5
21	Мали	0.42722	44	0	0	0.46	5
22	Конго	0.42195	47	0	0	0.43	5
23	Пакистан	0.34892	7	1	0	0.53	6
24	Нигерия	0.25901	33	0	0	0.45	6
25	Южный Судан	0.21619	37	0	0	0.38	6
26	Туркменистан	0.15488	14	0	0	0.55	6
27	Афганистан	0.11922	24	0	0	0.43	6
28	Венесуэла	0.11827	16	0	0	0.51	6
29	Перу	0.11515	25	0	0	0.42	6

Таблица 8. Продолжение

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
30	Ирак	0.11162	22	0	0	0.44	6
31	Бангладеш	0.08346	20	0	0	0.44	6
32	КНДР	0.05173	0	0	0	0.61	6
33	Зимбабве	0.03745	0	0	0	0.60	6
34	Узбекистан	0.03470	0	0	0	0.60	6
35	Мьянма	0.02756	12	0	0	0.78	6
36	Венгрия	-0.01507	25	0	0	0.32	6
37	Замбия	-0.02409	15	0	0	0.41	6
38	Куба	-0.03671	0	0	0	0.55	6
39	Камерун	-0.04025	24	0	0	0.32	6
40	Сан-Томе и Принсипи	-0.04753	0	0	0	0.54	6
41	Боливия	-0.09410	0	0	0	0.50	6
42	Бразилия	-0.09579	7	0	0	0.44	6
43	Судан	-0.09849	0	0	0	0.50	6
44	Лаос	-0.10721	0	0	0	0.50	6
45	Экваториальная Гвинея	-0.10791	0	0	0	0.49	6
46	Камбоджа	-0.10943	0	0	0	0.49	6
47	Эквадор	-0.11126	0	0	0	0.49	6
48	Бурунди	-0.11160	0	0	0	0.49	6
49	Эритрея	-0.13814	0	0	0	0.47	6
50	Аргентина	-0.14498	0	0	0	0.47	6
51	Индонезия	-0.14827	2	0	0	0.45	6
52	Кувейт	-0.15284	4	0	0	0.42	6
53	Нигер	-0.15861	0	0	0	0.46	6
54	Филиппины	-0.16457	0	0	0	0.45	6
55	Оман	-0.16457	0	0	0	0.45	6
56	Мозамбик	-0.17056	0	0	0	0.45	6
57	Шри-Ланка	-0.17162	0	0	0	0.45	6
58	Танзания	-0.17400	0	0	0	0.45	6
59	Ливан	-0.17446	0	0	0	0.45	6
60	Уганда	-0.17470	0	0	0	0.45	6
61	Сьерра-Леоне	-0.17606	0	0	0	0.45	6
62	Габон	-0.17735	0	0	0	0.44	6
63	Бруней	-0.17924	0	0	0	0.44	6
64	Таиланд	-0.18205	2	0	0	0.42	6
65	Лесото	-0.18255	0	0	0	0.44	6
66	Намибия	-0.18278	0	0	0	0.44	6
67	Гвинея	-0.18495	0	0	0	0.44	6
68	Бутан	-0.18749	0	0	0	0.44	6
69	Гамбия	-0.18916	0	0	0	0.44	6

Таблица 8. Продолжение

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
70	Сомали	-0.18935	0	0	0	0.44	6
71	Фиджи	-0.19479	0	0	0	0.43	6
72	Тимор-Лешти	-0.19646	0	0	0	0.43	6
73	Суринам	-0.19927	0	0	0	0.43	6
74	Эфиопия	-0.20236	0	0	0	0.43	6
75	Ливия	-0.20301	0	0	0	0.43	6
76	Сингапур	-0.20410	0	0	0	0.43	6
77	Сент-Винсент и Гренадины	-0.20566	0	0	0	0.42	6
78	Маврикий	-0.21033	0	0	0	0.42	6
79	Доминиканская Республика	-0.21077	0	0	0	0.42	6
80	Сенегал	-0.21386	0	0	0	0.42	6
81	Уругвай	-0.21393	0	0	0	0.42	6
82	Катар	-0.21571	0	0	0	0.42	6
83	Гайана	-0.21715	0	0	0	0.42	6
84	Колумбия	-0.21894	0	0	0	0.41	6
85	Кения	-0.22031	0	0	0	0.41	6
86	Буркина-Фасо	-0.22409	0	0	0	0.41	6
87	Доминика	-0.22542	0	0	0	0.41	6
88	Саудовская Аравия	-0.22598	0	0	0	0.41	6
89	Ямайка	-0.22676	0	0	0	0.41	6
90	Марокко	-0.22754	0	0	0	0.41	6
91	Бахрейн	-0.22944	0	0	0	0.41	6
92	ОАЭ	-0.23023	0	0	0	0.41	6
93	Коморские Острова	-0.23272	0	0	0	0.40	6
94	Тунис	-0.23358	0	0	0	0.40	6
95	Джибути	-0.23434	0	0	0	0.40	6
96	Мальдивы	-0.23614	0	0	0	0.40	6
97	Иордания	-0.23618	0	0	0	0.40	6
98	Малайзия	-0.23787	0	0	0	0.40	6
99	Сент-Люсия	-0.24136	0	0	0	0.40	6
100	Чили	-0.24633	0	0	0	0.39	6
101	Сальвадор	-0.24657	0	0	0	0.39	6
102	Мадагаскар	-0.24726	0	0	0	0.39	6
103	Сейшельские Острова	-0.24885	0	0	0	0.39	6
104	Мавритания	-0.25407	0	0	0	0.39	6
105	Тринидад и Тобаго	-0.25456	0	0	0	0.39	6
106	Йемен	-0.25554	0	0	0	0.39	6

Таблица 8. Продолжение

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
107	Самоа	-0.26104	0	0	0	0.38	6
108	Кабо-Верде	-0.27325	0	0	0	0.38	7
109	Коста-Рика	-0.27431	0	0	0	0.37	7
110	Гренада	-0.27555	0	0	0	0.37	7
111	Гватемала	-0.27854	0	0	0	0.37	7
112	Республика Корея	-0.27882	0	0	0	0.37	7
113	Ботсвана	-0.27947	0	0	0	0.37	7
114	Антигуа и Барбуда	-0.28599	0	0	0	0.37	7
115	Барбадос	-0.28730	0	0	0	0.36	7
116	Гана	-0.28758	0	0	0	0.36	7
117	ЦАР	-0.28804	0	0	0	0.36	7
118	Белиз	-0.28811	0	0	0	0.36	7
119	Мексика	-0.28856	0	0	0	0.36	7
120	Либерия	-0.28983	0	0	0	0.36	7
121	Гаити	-0.29024	0	0	0	0.36	7
122	Турция	-0.29362	0	0	0	0.36	7
123	Панама	-0.29396	0	0	0	0.36	7
124	Чад	-0.29417	0	0	0	0.36	7
125	Багамские Острова	-0.29791	0	0	0	0.36	7
126	Латвия	-0.29972	0	0	0	0.36	7
127	Эстония	-0.30122	0	0	0	0.35	7
128	Монако	-0.30578	0	0	0	0.35	7
129	Сент-Китс и Невис	-0.30701	0	0	0	0.35	7
130	Греция	-0.30967	0	0	0	0.35	7
131	Хорватия	-0.31226	0	0	0	0.35	7
132	Гвинея-Бисау	-0.31266	0	0	0	0.35	7
133	Бенин	-0.31527	0	0	0	0.34	7
134	Испания	-0.31653	0	0	0	0.34	7
135	Польша	-0.31666	0	0	0	0.34	7
136	Того	-0.31924	0	0	0	0.34	7
137	Соломоновы Острова	-0.32343	0	0	0	0.34	7
138	Португалия	-0.33220	0	0	0	0.33	7
139	Словакия	-0.33361	0	0	0	0.33	7
140	Литва	-0.33361	0	0	0	0.33	7
141	Папуа–Новая Гвинея	-0.33513	0	0	0	0.33	7
142	Румыния	-0.33645	0	0	0	0.33	7
143	Италия	-0.33784	0	0	0	0.33	7

Таблица 8. Продолжение

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
144	Эсватини	-0.34063	0	0	0	0.33	7
145	Демократическая Республика Конго	-0.34131	0	0	0	0.33	7
146	Словения	-0.34208	0	0	0	0.33	7
147	Люксембург	-0.34495	0	0	0	0.32	7
148	Албания	-0.34646	0	0	0	0.32	7
149	Малави	-0.35004	0	0	0	0.32	7
150	Дания	-0.35344	0	0	0	0.32	7
151	Черногория	-0.35769	0	0	0	0.31	7
152	Чехия	-0.36194	0	0	0	0.31	7
153	Бельгия	-0.36194	0	0	0	0.31	7
154	Босния и Герцеговина	-0.36223	0	0	0	0.31	7
155	Болгария	-0.36326	0	0	0	0.31	7
156	Франция	-0.36619	0	0	0	0.31	7
157	Кот-д'Ивуар	-0.36798	0	0	0	0.31	7
158	Украина	-0.37062	0	0	0	0.30	7
159	Грузия	-0.37062	0	0	0	0.30	7
160	Исландия	-0.37340	0	0	0	0.30	7
161	Норвегия	-0.37894	0	0	0	0.30	7
162	Нидерланды	-0.37894	0	0	0	0.30	7
163	Парагвай	-0.38193	0	0	0	0.30	7
164	Андорра	-0.38744	0	0	0	0.29	7
165	Германия	-0.39168	0	0	0	0.29	7
166	Тувалу	-0.39414	0	0	0	0.29	7
167	Гондурас	-0.40270	0	0	0	0.28	7
168	Кирибати	-0.40718	0	0	0	0.28	7
169	Финляндия	-0.41832	0	0	0	0.27	7
170	Тонга	-0.42942	0	0	0	0.26	7
171	Вануату	-0.43000	0	0	0	0.26	7
172	Республика Молдова	-0.43179	0	0	0	0.26	7
173	Япония	-0.45221	0	0	0	0.25	7
174	Великобритания	-0.45221	0	0	0	0.25	7
175	Швейцария	-0.45645	0	0	0	0.24	7
176	Лихтенштейн	-0.46915	0	0	0	0.23	7
177	Македония	-0.47724	0	0	0	0.23	7
178	Кипр	-0.48516	0	0	0	0.22	7
179	Ирландия	-0.48860	0	0	0	0.22	7
180	Сан-Марино	-0.49880	0	0	0	0.21	7
181	Швеция	-0.50392	0	0	0	0.21	7
182	Новая Зеландия	-0.51831	0	0	0	0.20	7

Таблица 8. Окончание

Позиция в рейтинге	Название страны	Индекс военно-политической кооперации с Россией	Поставки российского оружия (%)	Кол-во учений	Базы	Позиция в ГА ООН	Номер кластера
183	Австрия	-0.51915	0	0	0	0.20	7
184	Мальта	-0.52683	0	0	0	0.19	7
185	Австралия	-0.62588	0	0	0	0.12	7
186	Науру	-0.76627	0	0	0	0.02	7
187	Канада	-0.93509	0	0	0	-0.10	8
188	ФШМ	-0.95829	0	0	0	-0.12	8
189	Маршалловы Острова	-1.05529	0	0	0	-0.19	8
190	Палау	-1.07568	0	0	0	-0.21	8
191	Израиль	-1.18376	0	0	0	-0.28	8
192	США	-1.18924	0	0	0	-0.29	8

Источник: составлено авторами; подробнее см. прил. 2.

5

Полученные результаты согласуются с высказываемыми в литературе предположениями о снижающейся актуальности формальных союзнических обязательств в мировой политике [Силаев, Сушенцов 2017: 149–150]. Настоящее исследование не позволяет с уверенностью говорить о том, что вес таких отношений падает в масштабах всей международной системы, но демонстрирует, что на современном этапе применительно к России значение формальных союзнических обязательств действительно невелико²².

Как показал наш анализ, интенсивность фактического сотрудничества России с партнёрами в военной и политической сферах определяется не столько формальными обязательствами, сколько степенью зависимости этих стран от Москвы в плане поставок оружия. Этот вывод в целом согласуется с большим корпусом существующей литературы, посвящённой изучению трансфера вооружений как инструмента внешней политики и одного из измерений союзнических отношений. В частности,

полученные результаты можно соотнести с проводившимися ранее на примере СССР исследованиями об идеологической подоплёке поставок советских вооружений клиентам в «третьем мире» [Кислов, Фролов 2008], а также с осуществлённым на примере отношений США с Тайванем и Израилем анализом логики поставок. Последний показал, что, подобно союзам, трансферы вооружений могут работать как гарантия защиты партнёра, инструмент сдерживания его соперников, а также смещать региональный баланс сил в желаемом направлении [Yarhi-Milo, Lanoszka, Cooper 2016].

Среди американских исследователей продолжается дискуссия по поводу того, в какой мере решения о поставках оружия мотивированы коммерческими выгодами, лоббистскими усилиями или стратегическими соображениями; кроме того, обсуждаются политические риски, связанные с экспортом вооружений [Thrall, Dorminey 2018]. Содержание этой дискуссии актуально и для России. С одной стороны, поставки вооружений за рубеж имеют большое значение для оборонной промышлен-

²² Результаты анализа могут также рассматриваться вообще как аргумент против оправданности использования при изучении международных отношений определений союза, предложенных С. Уолтом и Б. Лидс. Иными словами, возможно, дело не в том, что роль союзов в современном мире снижается, а в том, что современные исследователи пользуются такими концептуализациями и операционализациями этого понятия, которые эвристически непродуктивны.

ности, которая на протяжении многих лет не получала внутренних заказов, достаточных для того, чтобы поддерживать высокотехнологичное производство. Оружие составляет заметную долю в общем объёме несырьевого и тем более высокотехнологичного российского экспорта. Экономические мотивы здесь очевидны. Тем не менее настоящее исследование позволяет заключить, что российский экспорт вооружений далеко не нейтрален в политическом отношении. Это касается не только поддержки стран, находящихся в оборонительном союзе с Москвой и получающих вооружения по дисконтированным ценам. Импортёры российского оружия, не имеющие юридически закреплённого союза с Россией (или подписавшие с ней пакт о нейтралитете или консультациях), склонны к широкому военно-политическому сотрудничеству с ней. В рамках данного исследования не представляется возможным глубже разработать вопрос о политическом содержании российского экспорта вооружений. Обнаруженная тенденция заслуживает специального изучения.

Представленное в настоящей статье исследование не исчерпывает всего потенциала собранного и проанализированного при её подготовке массива данных. Предложенный инструментарий для изучения отношений России с её союзниками, как формальными, так и неформальными, позволяет наметить вектор перспективного научного поиска. Например, типология российских союзников может быть построена на основе кластерного анализа с учётом всех аспектов сотрудничества, как военно-политического, так и экономического. Возможно проведение сравнительной характеристики кластерной структуры российских союзов до и после 2014 года, с тем чтобы более детально, чем в предложенной статье, оценить влияние глобального политического шока на положение России в мире. Наконец, мо-

жет быть проанализировано географическое измерение сотрудничества России с её союзниками, для того чтобы оценить соотношение региональных и глобальных аспектов её внешней политики.

Кроме того, в перспективе представляется важным соотнести результаты, полученные в настоящем исследовании на материале российской системы военного сотрудничества, с системой союзов других крупных международных игроков, в первую очередь Соединённых Штатов. По данным проведённого анализа, при формировании фактических военных коалиций с участием США определяющее значение имеют не формальные союзнические обязательства, а двусторонние и многосторонние связи между партнёрами во всей их полноте [Henke 2017].

* * *

Проведённый анализ показал, что в целом линейное влияние юридически закреплённых союзнических обязательств на интенсивность и устойчивость фактического военного сотрудничества между Россией и её партнёрами не подтверждается количественными показателями. Число формальных союзников Москвы, которые в реальности почти не сотрудничают с ней в военно-политической сфере, оказалось в полтора раза больше числа государств, для которых договорные обязательства сопряжены с действительной кооперацией. Тем не менее была зафиксирована статистически значимая связь формальных союзнических обязательств с интенсивностью и стабильностью поддержки партнёрами политической позиции России на мировой арене.

Исходя из полученных результатов, общую логику отношений между Россией и её ближайшими партнёрами удобно объяснять в духе теорий о том, что альянсы между государствами заключаются не из соображений балансирования, а для обмена теми или иными благами²³. Избранный

²³ Наиболее известная теория такого рода была выдвинута Дж. Морроу [Morrow 1991]. В настоящем анализе не обсуждаются блага, которыми государства обмениваются в альянсах, в предложенных Морроу категориях безопасности и автономии — по той причине, что эти понятия слишком расплывчаты и едва ли могут быть валидным образом использованы.

набор параметров позволяет детально рассмотреть, как применительно к отношениям между Россией и её партнерами происходит обмен военных ресурсов на политическую поддержку. Практически во всех исследованных нами случаях Москва тем или иным образом выступает реципиентом второго типа благ и донором первого. Отметим, что здесь может быть проведена параллель с гипотезой, которую И. Истомин и А. Байков обосновали применительно к асимметричным альянсам Соединённых Штатов, — о том, что для таких союзов типичен обмен гарантий безопасности со стороны старшего партнёра на легитимацию его внешнеполитических инициатив со стороны младших [Истомин, Байков 2019].

Конкретные конфигурации сделок по обмену российских военных ресурсов на политическую поддержку со стороны её союзников могут различаться. В случае отношений с союзниками в рамках ОДКБ (1-й и 2-й кластеры) Россия предоставляет своим партнёрам широкий комплекс как военных, так и политических ресурсов, получая взамен комплексную политическую поддержку. По похожей схеме выстраиваются и отношения с Сирией (3-й кластер): Россия оказывает Дамаску политическую и военную поддержку, обеспечивая тем самым сохранение у власти лояльного режима. Наконец, в наиболее упрощённом виде та же логика действует и в случае стран, связанных с Москвой только за счёт импорта российских вооружений и поддержки её позиции в ГА ООН (5-й кластер). Россия предоставляет своим партнёрам из этой группы возможности для укрепления их военных позиций на региональном уровне, получая взамен содействие на глобальном. Несколько иначе выглядит логика обмена в случаях Сербии, Китая и Индии (4-й кластер). С точки зрения потенциала мощи участников эта группа включает две симметричные (Россия — Китай, Россия — Индия) и одну асимметричную (Россия —

Сербия) коалиции. Однако в категориях обмена благами все они достаточно сходны. Здесь также имеет место обмен военных ресурсов на ресурсы политические, однако не менее важным аспектом отношений оказывается весомая взаимная политическая поддержка по ряду принципиальных вопросов.

В этом контексте имеет смысл вновь вернуться к главному выводу исследования об отсутствии связи между юридически оформленным союзничеством и фактической военной кооперацией, а также о наличии такой связи, когда речь идёт о политической поддержке позиции Москвы. Интерпретируя эти выводы в логике обмена ресурсами между союзниками, можно заключить, что для России формальные союзнические обязательства не являются ни необходимым, ни достаточным условием, гарантирующим предоставление партнёрам ресурсов в рамках фактической военной кооперации. Формальные обязательства выполняют другую функцию: они работают как механизм глобального публичного сигнализирования о готовности страны предоставить Москве стабильную и интенсивную политическую поддержку. Вероятно, Россия посредством такой системы сигнализирования решает проблему возможного невыполнения партнёрами обязательств в рамках сделок по обмену военной кооперации на политическую поддержку.

Такой механизм в российском случае, по всей видимости, работает относительно успешно. По крайней мере, полученные данные свидетельствуют о том, что даже при общем снижающемся тренде поддержки позиции России в ГА ООН [Истомин 2018] существует образованное официальными союзниками ядро государств, обеспечивающих ей относительно стабильную политическую поддержку на глобальном уровне. По меньшей мере, проверку на прочность в связи с украинским и сирийским кризисами это ядро пока выдерживает.

Список литературы

- Дегтерёв Д.А. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. № 2. С. 69–85.
- Дегтерёв Д., Василюк И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 63–75.
- Истомин И., Байков А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48.
- Истомин И.А. Современная западная теория военно-политических альянсов: достижения и лакуны // Международные процессы. 2018. Т. 15. № 4. С. 93–114.
- Истомин И.А. Vox populi, vox dei? Великие державы и голосование в Генеральной Ассамблее ООН // Международная аналитика. 2018. № 2. С. 7–18.
- Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года / Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2013. 21 с.
- Кислов А.К., Фролов А.В. Россия и международный рынок оружия. Идеология и практика. М.: Альфа-Браво, 2008. 545 с.
- Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Конфликт политических интересов России и США в республиках Средней Азии // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 96–113.
- Куртов А.А. ОДКБ и ГУАМ как элементы трансформации пространства бывшего СССР // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 3-4 (57-58). С. 300–316.
- Лукин А.В. Консолидация незападного мира на фоне украинского кризиса: Россия и Китай, ШОС и БРИКС // Международная жизнь. 2015. № 2. С. 71–91.
- Мальшева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 14–23.
- Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. М.: Аспект Пресс, 2017. 384 с.
- Никитин А.И. Реформирование и развитие ОДКБ // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 23–25.
- Никитина Ю.А. ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия организаций // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. № 23 (39). С. 9–12.
- Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 2 (97). С. 45–53.
- Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009. 200 с.
- Николайчук И.А. Военное сотрудничество стран СНГ как элемент их национальной безопасности // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 158–169.
- Силаев Н., Сушенцов А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 3. С. 146–160.
- Acharya A. A Survey of Military Cooperation among ASEAN States: Bilateralism or Alliance? York University: Centre for International and Strategic Studies, 1990. 40 p.
- Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. 2nd ed. Politics in Asia Series. New York: Routledge, 2009. 352 p.
- Bailey M.A., Strezhnev A., Voeten E. Estimating Dynamic State Preferences from United Nations Voting Data // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 61. No. 2. P. 430–456.
- Bennett D.S.Jr. Testing Alternative Models of Alliance Duration, 1816–1984 // American Journal of Political Science. 1997. Vol. 41. No. 3. P. 846–878.
- Benson B.V. Unpacking Alliances: Deterrent and Compellent Alliances and Their Relationship with Conflict, 1816–2000 // The Journal of Politics. 2011. Vol. 73. No. 4. P. 1111–1127.
- Booth K. Alliances / Contemporary Strategy: Theories and Concepts. Vol. I. Lynne Rienner Publishers, 1991. P. 258–309.
- Crescenzi M. et al. Reliability, Reputation, and Alliance Formation // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56. No. 2. P. 259–274.
- Donaldson R.H., Donaldson J.A. The Arms Trade in Russian-Chinese Relations: Identity, Domestic Politics, and Geopolitical Positioning // International Studies Quarterly. 2003. Vol. 47. No. 4. P. 709–732.
- Downs G.W., Roache D.M., Barsoom P.N. Is the Good News about Compliance Good News about Cooperation? // International Organization. 1996. Vol. 50. No. 3. P. 379–406.
- Fedder E.H. The Concept of Alliance // International Studies Quarterly. 1968. Vol. 12. No. 1. P. 65–86.
- Gartzke E., Gleditsch K.S. Why Democracies May Actually be less Reliable Allies // American Journal of Political Science. 2004. Vol. 48. No. 4. P. 775–795.

- Gaubatz K.T.* Democratic States and Commitment in International Relations // *International Organization*. 1996. Vol. 50. No. 1. P. 109–139.
- Gibler D.M.* *International Military Alliances, 1648-2008*. University of Alabama, USA: CQ Press, 2009. 1001 p.
- Gibler D.M., Vasquez J.A.* Uncovering the Dangerous Alliances, 1495–1980 // *International Studies Quarterly*. 1998. Vol. 42. No. 4. P. 785–807.
- Henke M.E.* The Politics of Diplomacy: How the United States Builds Multilateral Military Coalitions // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 2. P. 410–424.
- Herz J.* *International Politics in the Atomic Age*. New York: Columbia University Press, 1965. 360 p.
- Jackson M.O., Nei S.* Networks of Military Alliances, Wars, and International Trade // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112. No. 50. P. 15277–15284.
- Kang S.* Alliance Commitments in Multi-State Crises: Treaty and Material Commitments / [ISA's 60th Annual Convention, Toronto, 27–30 March, 2019]. 2019. URL: <https://www.isanet.org/Conferences/Event-Detail/mid/6587/EventID/11962/ItemID/115389>
- Klein M.* Russia's Military Policy in the Post-Soviet Space: Aims, Instruments and Perspectives (SWP Research Paper, 1/2019). Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik SWP – Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2019. URL: <https://doi.org/10.18449/2019RP01>
- Korolev A.* On the Verge of an Alliance: Contemporary China-Russia Military Cooperation // *Asian Security*. 2018. P. 1–20.
- Krause K.* Military Statecraft: Power and Influence in Soviet and American Arms Transfer Relationships // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. No. 3. P. 313–336.
- Leeds B.A.* Alliance Reliability in Times of War: Explaining State Decisions to Violate Treaties // *International Organization*. 2003a. Vol. 57. No. 4. P. 801–827.
- Leeds B.A.* Do Alliances Deter Aggression? The Influence of Military Alliances on the Initiation of Militarized Interstate Disputes // *American Journal of Political Science*. 2003b. Vol. 47. No. 3. P. 427–439.
- Leeds B.A. et al.* Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944 // *International Interactions*. 2002. Vol. 28. No. 3. P. 237–260.
- Leeds B.A., Mattes M.* Alliance Politics during the Cold War: Aberration, New World Order, or Continuation of History? // *Conflict Management and Peace Science*. 2007. Vol. 24. No. 3. P. 183–199.
- Liska G.* Nations in alliance: The Limits of Interdependence. The Johns Hopkins University Press, 1962. 320 p.
- Mayer T., Zignago S.* Notes on CEPII's Distances Measures: The GeoDist database // CEPII Working Paper. 2011. No. 2011-25. 18 p. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2011/wp2011-25.pdf
- Morrow J.D.* Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances // *American Journal of Political Science*. 1991. Vol. 35. No. 4. P. 904–933.
- Russett B.M.* An Empirical Typology of International Military Alliances // *Midwest Journal of Political Science*. 1971. Vol. 15. No. 2. P. 262–289.
- Singer J.D., Small M.* Formal Alliances, 1815–1939: A Quantitative Description // *Journal of Peace Research*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 1–31.
- Small M., Singer J.D.* Formal Alliances, 1816–1965: an Extension of the Basic Data // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 257–282.
- Snyder G.H.* *Alliance politics*. Cornell University Press, 2007. 432 p.
- Tarock A.* Iran and Russia in 'Strategic Alliance' // *Third World Quarterly*. 1997. Vol. 18. No. 2. P. 207–223.
- Therme C.* Iran and Russia in the Middle East: Toward a Regional Alliance? // *The Middle East Journal*. 2018. Vol. 72. No. 4. P. 549–562.
- Thrall A.T., Dorminey C.* Risky Business: The Role of Arms Sales in U.S. Foreign Policy // CATO Institute. Policy Analysis. March 13, 2018. No. 836. 28 p. URL: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa-836.pdf>
- Voeten E.* Data and Analyses of Voting in the UN General Assembly / *Routledge Handbook of International Organization*. Edited by B. Reinalda. London: Routledge, 2013. 24 p.
- Walt S.* *The Origins of Alliances*. Cornell Studies in Security Affairs Series. Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Walt S.M.* Alliances in Theory and Practice: What Lies ahead? // *Journal of International Affairs*. 1989. Vol. 43. No. 1. P. 1–17.
- Walt S.M.* Why alliances endure or collapse // *Survival*. 1997. Vol. 39. No. 1. P. 156–179.
- Wilkins T.* 'Alignment', not 'Alliance' – the Shifting Paradigm of International Security Cooperation: Toward a Conceptual Taxonomy of Alignment // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 1. P. 53–76.
- Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z.* To Arm or to Ally? The Patron's Dilemma and the Strategic Logic of Arms Transfers and Alliances // *International Security*. 2016. Vol. 41. No. 2. P. 90–139.

RUSSIA'S ALLIES

FORMAL OBLIGATIONS

VS. EFFECTIVE COOPERATION*

IVAN FOMIN

National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russia

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

INION RAN, Moscow, 117997, Russia

NIKOLAY SILAEV

ANNA MAKARYCHEVA

SVETLANA STOLYAROVA

ELLINA SHAVLAY

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article explores the correlation between Russia's formal alliance obligations and the patterns of its actual military and political cooperation. Using a number of quantitative indicators of cooperation between Russia and other countries of the world the research tests the hypothesis of whether Russia's formal obligations are associated with the scope and stability of its actual cooperation with the partners. Four indicators are used to measure the levels of the actual military and political cooperation: the share of the Russian armaments in the total amount of the country's arms imports, the number of joint military exercises with Russia, the deployment of Russia's military bases on the country's territory and the UN General Assembly affinity scores. The level of formal alliance obligations is measured based on the Alliance Treaty Obligations and Provisions project data. The multiple regression analysis shows no significant association between the level of formal alliance commitments and the actual military cooperation, but demonstrated that the level of formal obligations does significantly correlate with the UN General Assembly affinity scores. Based on the results of the analysis, the article further hypothesizes that Russia uses formal alliances as tools to enforce bargains in which its close partners are expected to provide Russia with international political support in exchange for its military resources. Moreover, the article presents an attempt to divide all the countries in the world into four groups based on the levels of their formal and actual affinity to Russia, showing that the majority of Russia's formal allies does not actively cooperate with it in terms of military cooperation or political support.

Keywords:

alliances; Russia's allies; Russia; Russian foreign policy; military and political cooperation; international cooperation; informal allies.

References

- Acharya A. (1990). *A Survey of Military Cooperation among ASEAN States: Bilateralism or Alliance?* York University: Centre for International and Strategic Studies. 40 p.
- Acharya A. (2009). *Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order*. 2nd ed. Politics in Asia Series. New York: Routledge. 352 p.
- Bailey M.A., Strezhnev A., Voeten E. (2017). Estimating Dynamic State Preferences from United Nations Voting Data. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 2. P. 430–456.
- Bennett D.S.Jr. (1997). Testing Alternative Models of Alliance Duration, 1816–1984. *American Journal of Political Science*. Vol. 41, No. 3. P. 846–878.
- Benson B.V. (2011). Unpacking Alliances: Deterrent and Compellent Alliances and Their Relationship with Conflict, 1816–2000. *The Journal of Politics*. Vol. 73. No. 4. P. 1111–1127.

* This research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 17-78-20170.

- Booth K. (1991). Alliances. In *Contemporary Strategy: Theories and Concepts*. Vol. I. Lynne Rienner Publishers. P. 258–309.
- Crescenzi M. et al. (2012). Reliability, Reputation, and Alliance Formation. *International Studies Quarterly*. Vol. 56. No. 2. P. 259–274.
- Degtarev D., Vasilyuk I., Baum V. (2018). *Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz* [Multiplexity parameters of the CIS foreign policy: applied analysis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62. No. 1. 63–75.
- Degtarev D.A. (2013). Rossiiskaya Federatsiya kak novyi mezhdunarodnyi donor: dilemmy identichnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity's Dilemmas]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. No. 2. P. 69–85.
- Donaldson R.H., Donaldson J.A. (2003). The Arms Trade in Russian-Chinese Relations: Identity, Domestic Politics, and Geopolitical Positioning. *International Studies Quarterly*. Vol. 47. No. 4. P. 709–732.
- Downs G.W., Locke D.M., Barsoom P.N. (1996). Is the Good News about Compliance Good News about Cooperation? *International Organization*. Vol. 50. No. 3. P. 379–406.
- Fedder E.H. (1968). The Concept of Alliance. *International Studies Quarterly*. Vol. 12. No. 1. P. 65–86.
- Gartzke E., Gleditsch K.S. (2004). Why Democracies May Actually Be Less Reliable Allies. *American Journal of Political Science*. Vol. 48. No. 4. P. 775–795.
- Gaubatz K.T. (1996). Democratic States and Commitment in International Relations. *International Organization*. Vol. 50. No. 1. P. 109–139.
- Gibler D.M. (2009). *International Military Alliances, 1648–2008*. University of Alabama, USA: CQ Press. 1001 p.
- Gibler D.M., Vasquez J.A. (1998). Uncovering the Dangerous Alliances, 1495–1980. *International Studies Quarterly*. Vol. 42. No. 4. P. 785–807.
- Henke M.E. (2017). The Politics of Diplomacy: How the United States Builds Multilateral Military Coalitions. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 2. P. 410–424.
- Herz J. (1965). *International Politics in the Atomic Age*. New York: Columbia University Press. 360 p.
- Istomin I.A. (2018). Sovremennaja zapadnaja teoriya voenno-politicheskikh aliansov: dostizheniya i lakuny [Western theory of international military alliances: the state of the discipline]. *Mezhdunarodnye Protsesty*. Vol. 15. No. 4. P. 93–114.
- Istomin I.A. (2018). Vox populi, vox dei? Velikiye derzhavy i golosovaniye v Generalnoy Assambleye OON [Great powers and voting in the UN General Assembly]. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 2. P. 7–18.
- Istomin I., Baikov A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh alyansov v neravnovesnoy mirovoy sisteme [The dynamics of international alliances in the unbalanced world system]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48.
- Jackson M.O., Nei S. (2015). Networks of Military Alliances, Wars, and International Trade. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 112. No. 50. P. 15277–15284.
- Kang S. (2019). *Alliance Commitments in Multi-State Crises: Treaty and Material Commitments* [ISA's 60th Annual Convention, Toronto, 27–30 March, 2019]. URL: <https://www.isanet.org/Conferences/Event-Detail/mid/6587/EventID/11962/ItemID/115389>
- Kazantsev A.A. (2013). Stsenarii i tendentsii evolyutsii situatsii v tsentralnoaziatskom regione kollektivnoy bezopasnosti ODKB posle 2014 goda [Scenarios and trends of evolution of the situation in the Central Asian region of the collective security of the CSTO after 2014]. In: *Analiticheskiye doklady Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO (U) MID Rossii*. Moscow: MGIMO-Universitet. 21 p.
- Kislov A.K., Frolov A.V. (2008). *Rossiya i mezhdunarodnyy rynek oruzhiya. Ideologiya i praktika* [Russia and the international arms market. Ideology and practices]. Moscow: Alfa-Bravo. 545 p.
- Klein M. (2019). Russia's military policy in the post-Soviet space: aims, instruments and perspectives. *SWP Research Paper No. 1*. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik – SWP – Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. URL: <https://doi.org/10.18449/2019RP01>
- Kochegarova D.V., Novikov A.V. (2017). Konflikt politicheskikh interesov Rossii i SShA v respublikakh Sredney Azii [The conflict of political interests of Russia and the USA in the Central Asian Republics]. *Comparative Politics Russia*. Vol. 8. No. 3. P. 96–113.
- Korolev A. (2018). On the Verge of an Alliance: Contemporary China-Russia Military Cooperation. *Asian Security*. P. 1–20.
- Krause K. (1991). Military Statecraft: Power and Influence in Soviet and American Arms Transfer Relationships. *International Studies Quarterly*. Vol. 35. No. 3. P. 313–336.
- Kurtov A.A. (2008). ODKB i GUAM kak elementy transformatsii prostranstva byvshego SSSR [CSTO and GUAM as elements of the transformation of the former USSR space]. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz*. No. 3–4 (57–58) . P. 300–316.
- Leeds B.A. (2003a). Alliance Reliability in Times of War: Explaining State Decisions to Violate Treaties. *International Organization*. Vol. 57. No. 4. P. 801–827.

- Leeds B.A. (2003b). Do Alliances Deter Aggression? The Influence of Military Alliances on the Initiation of Militarized Interstate Disputes. *American Journal of Political Science*. Vol. 47. No. 3. P. 427–439.
- Leeds B.A. et al. (2002). Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944. *International Interactions*. Vol. 28. No. 3. P. 237–260.
- Leeds B.A., Mattes M. (2007). Alliance Politics during the Cold War: Aberration, New World Order, or Continuation of History? *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 24. No. 3. P. 183–199.
- Liska G. (1962). *Nations in Alliance: The Limits of Interdependence*. The Johns Hopkins University Press. 320 p.
- Lukin A.V. (2015). Konsolidatsiya nezapadnogo mira na fone ukrainskogo krizisa: Rossiya i Kitay, ShOS i BRIKS [The consolidation of the non-West world amid the Ukrainian Crisis: Russia and China, SCO and BRICS]. *Mezhdunarodnaya zhizn*. No. 2. P. 71–91.
- Malysheva D.B. (2017). Afganskiy krizis i postsovetetskaya Tsentralnaya Aziya [The Afghan crisis and the Post-Soviet Central Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 61. No. 8. P. 14–23.
- Mayer T., Zignago S. (2011). Notes on CEPIL's Distances Measures: The GeoDist database. *CEPIL Working Paper*. No. 2011-25. 18 p. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2011/wp2011-25.pdf
- Morrow J.D. (1991). Alliances and Asymmetry: An Alternative to the Capability Aggregation Model of Alliances. *American Journal of Political Science*. Vol. 35. No. 4. P. 904–933.
- Nikitin A.I. (2011). Reformirovaniye i razvitiye ODKB [Reforming and developing the CSTO]. *MGIMO Review of International Relations*. No. 6. P. 23–25.
- Nikitin A.I. (2017). *Mezhdunarodnyye konflikty: vmeshatelstvo, mirotvorchestvo, uregulirovaniye* [International conflicts: intervention, peacemaking, solution]. Moscow: Aspekt Press. 384 p.
- Nikitina Y.A. (2000). *ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti* [CSTO and SCO: Models of Regionalism in the Field of Security]. Moscow: Navona. 200 p.
- Nikitina Y.A. (2011). ODKB i NATO: problemy vzaimodeystviya organizatsiy [CSTO and NATO: Problems of Interaction Between the Organizations]. *Evropeyskaya bezopasnost: sobytiya, otsenki, prognozy*. No. 23 (39) . P. 9–12.
- Nikitina Y.A. (2011). ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeystviya v sfere regionalnoy bezopasnosti [CSTO and SCO as Models of Interaction in the Field of Regional Security]. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 17. No. 2 (97). P. 45–53.
- Nikolaychuk I.A. (1997). Voennoye sotrudnichestvo stran SNG kak element ikh natsionalnoy bezopasnosti [Military Cooperation of the CIS countries as and Element of Their National Security]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 158–169.
- Russett B.M. (1971). An Empirical Typology of International Military Alliances. *Midwest Journal of Political Science*. Vol. 15. No. 2. P. 262–289.
- Silaev N., Sushentsov A. (2017). Sojuzniki Rossii i geopoliticheskij frontir v Evrazii [Russia's allies and the geopolitical frontier in Eurasia]. *Rossija v global'noj politike*. Vol. 15. No. 3. P. 146–160.
- Singer J.D., Small M. (1966). Formal alliances, 1815-1939: A Quantitative Description. *Journal of Peace Research*. Vol. 3. No. 1. P. 1–31.
- Small M., Singer J.D. (1969). Formal Alliances, 1816–1965: an Extension of the Basic Data. *Journal of Peace Research*. Vol. 6. No. 3. P. 257–82.
- Snyder G.H. (2007). *Alliance Politics*. Cornell University Press. 432 p.
- Tarock A. (1997). Iran and Russia in 'Strategic Alliance'. *Third World Quarterly*. Vol. 18. No. 2. P. 207–223.
- Therme C. (2018). Iran and Russia in the Middle East: Toward a Regional Alliance? *The Middle East Journal*. Vol. 72. No. 4. P. 549–562.
- Thrall A.T., Dorminey C. (2018). Risky Business: The Role of Arms Sales in U.S. Foreign Policy. *CATO Institute. Policy Analysis*. March 13, 2018. No. 836. 28 p. URL: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa-836.pdf>
- Voeten E. (2013). Data and Analyses of Voting in the UN General Assembly. In: Reinalda B. (ed) *Routledge Handbook of International Organization*. London: Routledge. 24 p.
- Walt S. (1987). *The Origins of Alliances*. *Cornell Studies in Security Affairs Series*. Cornell University Press. 336 p.
- Walt S.M. (1989). Alliances in Theory and Practice: What Lies ahead? *Journal of International Affairs*. P. 1–17.
- Walt S.M. (1997). Why Alliances Endure or Collapse. *Survival*. Vol. 39. No. 1. P. 156–179.
- Wilkins T. (2012). 'Alignment', not 'Alliance' – the Shifting Paradigm of International Security Cooperation: Toward a Conceptual Taxonomy of Alignment. *Review of International Studies*. Vol. 38. No. 1. P. 53–76.
- Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z. (2016). To Arm or to Ally? The Patron's Dilemma and the Strategic Logic of Arms Transfers and Alliances. *International Security*. Vol. 41. No. 2. P. 90–139.